

РУССКИЕ В ГОСУДАРСТВЕ ШАМИЛЯ

Всемирную известность имам Шамиль получил еще при жизни как создатель первого на Кавказе уникального многонационального, многоконфессионального, социально справедливого государства – имамата.

«Это феноменальное государство, созданное Шамилем, поистине превратилось в неприступную крепость, которой регулярная царская армия не могла овладеть в течение четверти века» (Ибрагимбейли Х.М., 1994), хотя в два года сокрушила могущественную наполеоновскую с ее «великой империей». «Создание этого государства дает основание считать Шамиля умелым организатором, умным политиком и крупным руководителем народных масс, а создание 60-тысячной регулярной армии и неоднократные победы над сильнейшей царской армией характеризуют его как талантливого полководца, крупного знатока горной войны» (Ибрагимбейли Х.М., 1994).

По характеру и содержанию проведенных в этом государстве экономических, политико-правовых, социальных и военно-административных реформ в течение 25 лет в мировой практике государственного строительства не было аналогов. В этом государстве Шамилем и его сподвижниками была фактически продумана и осуществлена социальная и правовая революция:

1) по решению государства сверху были отменены рабство и феодальная зависимость крестьян; ликвидированы на 25 лет социальные сословия ханов, беков и феодалов и обеспечено относительное равенство между всеми гражданами государства;

2) разработана и осуществлена правовая реформа на основе шариата и светских законов, создана новая единая правовая система вместо противоречивого, основанного на местных традициях и обычаях адатного права. При этом Шамиль добился сочетания правовых основ шариата, светских норм жизни с учетом традиций и обычаев разных народов и обществ, входивших в имамат;

3) вместо ликвидированной феодальной, ханской, бекской собственности создана государственная общенародная собственность – байтулмал, которая использовалась для обеспечения равных экономических возможностей всех граждан независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. Этому же способствовали экономические реформы, проведенные Шамилем в области земельных отношений, налоговой и кредитно-финансовой политики;

4) впервые была разработана и проводилась четкая социальная политика по защите интересов всех граждан, независимо от национальной, конфессиональной и половозрастной принадлежности, позволившая «слить воедино идею исламской веры с идеей родины, стремление к улучшению материального и политико-правового положения всех граждан с идеей национальной независимости и свободы» (Омаров О., 1999. С. 22).

Особый интерес ученых в нашей стране и за рубежом и сегодня вызывает опыт организации в государстве Шамиля всеобщего начального образования детей, социальной заботы о малоимущих, стариках, женщинах, детях, инвалидах, ученых, мухаджирах, переребечниках, гражданах иной веры, а также опыт проведения интернациональной и этноконфессиональной политики. Многие аспекты этой политики могут быть и сегодня широко использованы в деле интернационального воспитания граждан, обеспечения многоконфессионального единства и согласия как на Северном Кавказе, в Российском государстве, так и в мировом масштабе, особенно с учетом происходящих в современном мире глобальных миграционных процессов.

Государство Шамиля, в котором проживало более 60 национальностей, было многонациональным не только по составу граждан, но и по составу всех органов власти и

управления, начиная от местных и кончая высшими органами власти. В государстве Шамиля как в одной семье проживали представители всех народов Дагестана, Чечни, Кавказа, других регионов Российской империи, стран Западной Европы, Азии и Ближнего Востока.

Сегодня большинство ученых, в том числе кавказоведов, признают одно важное фундаментальное положение, касающееся характеристики этого государства. В этом государстве с самого начала его существования не возникал национальный вопрос, не было межнациональных проблем и поэтому не было необходимости создания ведомства, регулирующего межнациональные отношения.

Шамиль и его ближайшее окружение, большинство наивов выступали не в качестве представителей дагестанской, чеченской или какой-то другой кавказской народности, а как представители всех народностей, борьбу за свободу и независимость которых они возглавляли. На таком фундаментальном положении была построена интернациональная политика всего государства.

О единстве народов в имамате Шамиль говорил: «Я объединил свой народ, чтобы никогда не разделялся и не знал врагов внутренних». Имам различал людей по образованности, умению бороться за счастье и права других, преданности общенародному делу, порядочности и мужеству. Шамиль был примером для всех по своим личным качествам, все его поступки и дела служили образцом для подражания. На этом фундаменте основывались его человеческие, полководческие, реформаторские и административные способности государственного и политического деятеля, руководителя государства. В объединении и сплочении людей самых разных национальностей в борьбе за свободу и независимость проявились его величайшие организаторские способности.

«Шамиль слил людей в один народ, в одно племя. Как искусный коваль сваривает между собой куски железа в один толстый брус, так и Шамиль сковывает в один могучий народ разрозненные племена... Вражда уступает место дружбе, неприязнь – доверию, зато тем сильнее растет ненависть к одному общему врагу... с которыми у Шамиля нет никаких сделок», – писал Г.-А.Д. Даниялов (*Даниялов Г.-А.*, 1996. С. 85).

Другой известный дагестанский ученый А.М. Халилов отмечал: «Шамиль добился больших успехов в таком весьма важном вопросе, как межнациональные отношения. Былая вражда, рознь между различными народностями, племенами были в значительной степени ликвидированы. Были сделаны крупные шаги на пути достижения объединения их в одно целое» (*Халилов А.М.*, 1991. С. 154).

Изучение внутренней системы управления в государстве Шамиля показывает, что важнейшими факторами существования и развития этого государства в тех чрезвычайно трудных условиях, когда шла жестокая борьба с огромной Российской империей, были истинный интернационализм и веротерпимость. В этом государстве, базирующемся на социальном равенстве и экономической свободе личности, не было даже случаев проявления шовинистической, националистической политики – напротив, насаждение межнациональной, межконфессиональной розни, всемерная христианизация, натравливание одних народов против других, одних обществ против соседних, покорение или физическое уничтожение любыми средствами были, в свою очередь, главной составляющей политики Российской империи на Кавказе. Царское командование на Кавказе всячески стремилось доводить до кровопролития отношения между представителями разных национальностей. «Туда, где было население одной национальности, посылались карательные отряды, состоящие из другой национальности. А там, где жили разные нации, натравливали одних на других. Император в своих приказах считал необходимым, поддерживая политическое влияние над некоторыми народами, употреблять один народ против другого, даже общества, аулы противопоставлять друг против друга, путем денег подкупать одних против других, поселять раздор и войну между всеми народами, племенами и обществами» (*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... 1959. С. 345–347, 352–353, 353–356*). На территории государства Шамиля не было привилегий и ограничений прав одних народностей по сравнению с другими, подданных в зависимости от национальной

и расовой принадлежности. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические документы, письма самого Шамиля, его наивов.

Например, когда возникли разногласия по использованию пастбищ горы Лабаирахлен между обществами сс. Аргвани и Буртунай и также проживавшими в обоих аулах мухаджирами из других мест Дагестана, Северного Кавказа, 12 мая 1853 г. Шамиль писал жителям общества Аргвани: «Да будет известно и ведомо вам, что жители всего Дагестана у меня наравне с детьми моими, мы не полагаем никакого различия между ними, не считаем одних близкими своими и любимцами, а других далекими и врагами. Правила мои и привычки неразлучны со мною с давних времен, выражают одну только заботу о предоставлении всякому подпавшему под какие-либо несчастья и лишения всевозможных средств к исправлению и водворение в различных местах всех выходцев и чужеземцев с представлением и для них возможности спокойной и безбедной жизни» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... 1959. С. 621).

Известно, что в освободительной борьбе горцев под предводительством Шамиля принимало участие немало беглых царских офицеров и солдат. Согласно показаниям бежавшего из плена рядового Максимова, в Дарго (столица государства. – Авт.) было до 500 человек беглых солдат//..., которые употреблялись Шамилем для прислуги при орудиях... (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6539. Л. 8.) (эти данные относятся к периоду до 1845 г. – Авт.). Кроме того, по свидетельству современников, у имама был целый батальон, состоящий из русских и польских солдат. Имеющиеся в нашем распоряжении фактические материалы убедительно подтверждают, что имам высоко ценил и всячески оберегал русских солдат и офицеров, перешедших на сторону борющихся горцев. Если раньше они жили в семьях горцев или в отдельных аулах под присмотром наивов, то в Дарго и новой столице Дарго-Ведено Шамиль старается создать для них все условия. Он выделяет им землю, помогает строить дома, церковь, школу.

Как свидетельствовал герой повести Л.Н. Толстого, известный сподвижник Шамиля, выдающийся храбрец, участник многих событий Хаджи-Мурат из Хунзаха, «учителями горцев в артиллерийском и инженерном деле были в большинстве беглые русские солдаты (Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. 1999. С.46.) и офицеры: первых у Шамиля было очень много и он очень ценил их. Вблизи Ведено был специально построен отдельный поселок для «женатых, преимущественно мастеровых, на обязанности которых лежит делание артиллерийских лафетов и ящиков, они по очереди ходили в поход с орудиями и обучали горцев; жили там и офицеры, которые обучают солдат и смотрят за порядком» (Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. 1999. С.46).

Само собой понятно, что русские солдаты и офицеры отвечали имаму взаимностью. Пристав при Шамиле А. Руновский был очевидцем, как в Калуге к имаму приходили бывшие у него в плену солдаты. Один из них, увидев Шамиля, бросился к нему, схватил его руку и поцеловал. «Скажи, пожалуйста, зачем ты поцеловал у Шамиля руку? Ведь он же не твой хозяин... В горах, может быть, вас и принуждали к тому, ну а здесь для чего ты это сделал?» – «Не, ваше благородие, – отвечал бывший пленник, – нас не принуждали целовать у Шамиля руку, я это сделал так, по душе». – «Как это, по душе?» – «Да, так, ваше благородие, что человек-то он стоящий: только там пленным и бывало хорошо, где Шамиль жил али где проезжал он. Забижать нас не приказывал нашим хозяевам, а чуть бывало дойдет до него жалоба, сейчас отнимет пленного и возьмет к себе, да еще как ни на есть и накажет обидчика. Я это сам видал сколько раз». – «Так он хорош был для вас, для пленных?» – «Хорош, ваше благородие, одно слово – душа! И дарма, что во Христа не верует, одначе стоящий человек!» (АКАК. Т.ХII. 1904. С. 1301; Руновский А., 1989. С.62–63).

В своем письме наивам из столицы Дарго в 1840 г. об отношении к перебежчикам Шамиль писал: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... 1959. С. 291–

292). Впервые в истории на Северо-Восточном Кавказе появляются новые поселения, в которых веротерпимость, межнациональные браки между представителями разных религий становятся реальностью, более того, охраняются законом. И тогда в государстве, прежде всего столице Шамиля, самым главным становится социальная справедливость, свобода, независимость и права каждого человека.

Слава о Шамиле, о его справедливом и демократичном государстве доходила и до царских крепостей и укреплений, и многие солдаты и офицеры, прошедшие через жестокие и кровопролитные сражения с горцами, видевшие их героизм, отвагу, любовь к свободе и своей родине, в душе симпатизировали им, болели за них, поддерживали их и считали справедливой их борьбу против царских колониальных войск. Особенно ярко такие настроения проявились среди русских офицеров и солдат после битвы на Ахульго, где горцы показали невиданные чудеса храбрости, героизма и стойкости, защищая свои бедные и суровые каменные скалы и горы.

С началом нового этапа борьбы горцев за свою свободу, с конца 1840 г., растет число перебежчиков из царских крепостей и укреплений на сторону свободолюбивых народов Дагестана и Чечни. Это серьезно обеспокоило царское командование. Об этом свидетельствуют многочисленные документы.

В рапорте начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора Ольшевского генералу-лейтенанту Граббе о мерах предотвращения дезертирства нижних чинов от 9 января 1842 г. под грифом «Весьма секретно» отмечается: «Вашему превосходительству (в тексте В.пр. – Авт.) известно, что до сих пор наши военные дезертиры считались у чеченцев ясырами и принуждены были исполнять самые трудные работы. Каждый военный дезертир составлял собственность того чеченца, которым был пойман.

Ныне Шамиль изменил этот народный обычай и постановил давать свободу всем военным дезертирам. Он собрал уже до 800 человек беглецов, из коих некоторых, если они находились у сильных людей, купил, а остальных насильно отобрал. Шамиль составил при себе из этих людей стражу, дал им оружие и отвел им землю в Даргах для поселения, но пока они выстроят себе дома, Шамиль дозволил им жить у кунаков.

Дурное обращение чеченцев с нашими военными дезертирами удерживало многих неблагонадежных солдат и в особенности поляков от побегов; но если теперь они узнают, что Шамиль дает свободу дезертирам, то я боюсь, что побегу увеличатся. Я помню, что в экспедиции за Кубанью в 1834 г. чрезвычайно много бежало поляков, но побегу уменьшились, когда поляки узнали, что шапсуги дурно с ними обращаются и изнуряют тяжелыми работами.

Если мои опасения окажутся справедливыми, то я полагаю бы для удержания солдат от побегов первых пойманных дезертиров расстрелять. О чем имею честь представить на благоразумие в пр. доношу, что я с сим вместе предписал всем частным начальникам усугубить надзор за ненадежными солдатами и доложить мне тотчас о тех, кои учинят побег» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... 1959. С. 329–330).

Царское командование принимало самые жестокие меры к солдатам и офицерам, переходившим добровольно на сторону Шамиля. После 1840 г. к Шамилю бежали не только русские и поляки, венгры, финны, но и многие дагестанцы, служившие у феодальных владетелей, ханов и беков, в том числе и сами состоятельные владетели и беки. Если к последним Шамиль не испытывал большого доверия, то к русским, полякам и другим перебежчикам из царских крепостей доверял во всем, помогал им всеми способами обустроить свою жизнь в столице Дарго и других населенных пунктах. Они, в свою очередь, отвечали ему верной службой и, как показала жизнь, среди них редко бывали предатели.

Командование царских войск на Кавказе по указанию императора Николая I шло на любые методы с целью приостановить массовый переход своих солдат и офицеров на сторону горцев. Дело дошло до того, что в августе 1842 г. Николай I издал специальный указ за № 847, в котором он «повелевать соизволил: дабы местное начальство требовало возвращения воинских чинов, скрывающихся у горцев, изъявивших нам покорность, но

отнюдь, не выкупая их, старалось соглашать непокорных к выдаче дезертиров за соль» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... 1959. С. 356–357).

Когда Шамилю поступили такие предложения, он сказал примерно следующее: «Мы сильно нуждаемся в соли, терпим многие неудобства из-за того, что в горах мало соли, вынуждены через царские крепости на равнине доставать ее за огромные деньги. Но мы обойдемся без соли и можем даже умереть от голода, чем предавать наших русских, перешедших добровольно к нам на помощь».

Говорят, что после этого поток русских перебежчиков к Шамилю еще больше усилился. К концу 1845 г. в столице Дарго и других местах у Шамиля было уже около 2000 беглых солдат и офицеров, среди которых были, кроме русских, поляки, венгры, финны и другие.

В ходе работы в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы и других городов России, а также за рубежом дагестанские ученые-кавказоведы не обнаружили ни одного факта, чтобы Шамиль согласился на обмен своих русских солдат и офицеров на соль. Более того, он приказал своим наibaм создавать всевозможные условия для их жизни, сам оберегал их, строго наказывал тех, кто допускал малейшее неуважение к ним, неправомерные действия в отношении кого-нибудь из них. Они жили в более лучших условиях, чем дагестанские и чеченские семьи, и не хуже, чем гвардейцы Шамиля – муртазеки.

Очевидец событий, зять имама Шамиля Абдурахман Газикумухский, писал: «У нас было много солдат, разбросанных во всех селениях, из них кое-кто принял ислам, стал хорошим мусульманином и женился на мусульманке. Были и такие, которые остались в своей вере».

Кто принял ислам, тому для пропитания отпустили ту долю, которая предназначена им Всевышним Аллахом в Коране, не включая его личный заработок. «Кто остался в своей вере, тот служил у кого-либо из пожелавших этого жителей селения и жил и одевался он на свой заработок» (*Абдурахман из Казикумуха*. 1997. С. 100).

В своем дневнике А. Руновский отмечал: «Видя, что некоторые горянки изъявили желание выйти замуж за солдат, Шамиль внес даже «дополнение к основным правилам шариата» и разрешил «девушкам... выходить замуж за солдат» (АКАК. Т. XII. С. 1398).

Как подчеркивал Шамиль в своих разъяснениях А. Руновскому, «беглые русские солдаты, принявшие ислам и сделавшиеся семейными, вели свой домашний быт по русским обычаям, представляя женам свободу и окружая их ласками и попечениями, которых не знали горские женщины... Этот русский обычай очень нравился горским девушкам, и чтобы воспользоваться удобствами его, многие из них убежали из родительских домов и являлись к имаму с изъявлением желания выйти замуж за солдата» (АКАК. Т. XII. 1904. С. 1398).

По указанию Шамиля в Ведено была построена церковь, старообрядческий скит для гребенских казаков, перешедших на сторону горцев. С левой стороны столицы рядом с древним курганом построена была русская, т.е. «Русская слобода», в центре которой была построена церковь со школой для русских детей бывших безграмотных крепостных солдат.

В школе за счет казны государства бывшие царские офицеры обучали грамоте своих соплеменников. Недалеко был польский квартал из нескольких домов с аккуратным деревянным костелом для поляков-католиков, чуть ниже, примыкая к лесу, располагался квартал гребенских и других старообрядцев, перешедших на сторону Шамиля, в количестве 30 семей. За счет казны Шамиль помог им построить красивейший скит. На левой стороне от столичного базара, где размещались торговые лавки 8 еврейских семей (таты, горские евреи), имевших специальные грамоты – разрешение Шамиля на свободное ведение торговли на территории имамата, была построена синагога. Особую заботу о них проявлял не только Шамиль, но и его самый близкий друг Юнус из Чиркея, жена которого Зайнаб была еврейкой. Здесь же жили семьи русских, украинцев, поляков, венгров, финнов, перешедших к Шамилю; они чинили орудия, подковывали коней, исполняли разные другие работы, получая жалованье из казны имамата. Всем перебежчикам к Ша-

миллю давали свободу и право гражданина государства. «Из бывших русских солдат были сформированы артиллерийские команды и отдельный шамилевский батальон. Казаки же вместе с чеченцами служили в кавалерии» (*Долхан Хожяев*, 1998. С.150).

Абдурахман из Газикумуха, описывая положения пленных или «перебежавших к Шамилю солдат и офицеров», отмечал:

«Среди них были часовщики, кузнецы, плотники, мастеровые. Шамиль велел верному своему мюриду Черному Али-Маммаду Грубому, назначенному над солдатами (комендантом), построить для них специальный поселок около Дарго, собрать их там и отпустить провизию и обмундирование из казны через казначея Шамиля и дать им полный отдых. Шамиль говорил, что эти солдаты необходимы, в боях они будут при пушках и будут чинить разбитые части пушек.

Али-Маммад построил для них поселок и разместил их там, как велел Шамиль, и отпустил для них все необходимое. В их распоряжение предоставил землю для посадки капусты, кукурузы, лука и др.

Солдаты обосновались там и жили мирно, довольные велением Аллаха и Шамиля. Они обрели покой, жили без притеснения. В комнатах были иконы, которым они поклонялись во время молитв, имели спиртные напитки, изготовленные из винограда, и самогон из проса и других злаков.

Они ели, пили, развлекались, особенно по большим праздникам. Из нас никто не препятствовал им в этом, так как Шамиль велел Али-Маммаду не давать никому из мюридов обидеть их ни словом, ни действием. Солдаты имели и музыкальные инструменты – гитары (танбур-лютня?), армейские кларнеты (мазамар, ед. мизмар – свирель, дудка, кларнет, рожок), привезенные из России. (Были) и пленные, и перебежавшие женщины» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 102.).

Перебежчики относились к имаму Шамилю с огромным уважением и любовью за его доброе, отеческое отношение к ним. Абдурахман писал:

«Солдаты, видя милосердие Шамиля к ним, служили ему чистосердечно. Они шли с ним в бой вместе с пушками, чинили их, если ломались, ухаживали за лошадьми, тянувшими пушки, подковывали их, шорничали, готовили на зиму корм...

Среди солдат были и пушкари...

Из этих солдат один принял ислам и звался Хасаном. Когда у русских появилась ракета, Хасан тут же изготовил и для Шамиля ее и бросал ее в сторону русских. Но это было потом оставлено.

Если солдат проявлял отвагу, имам награждал его серебряной медалью «За отвагу», как и мусульман, и вешал ее на его плечо. Если бы с нашими пушками не было солдат, несомненно, порядок наших войск не был совершенен, как и наши сражения.

И мюридам была польза от этих солдат. Например, когда нужно было изготовить для удила части или масленку или построить дома, они обращались к их коменданту с просьбой выделить за плату плотников. Плата оставалась у солдат» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 102.).

Далее Абдурахман отмечал:

«Дома Шамиля и его детей были построены (солдатами) бесплатно, так как он их господин и кормилец. Если зимой выпадал снег на крыши его домов, то они сгребали снег лопатами и сбрасывали с крыши.

Пищей для них являлась пшеница и кукуруза, привозимые из Чечни за деньги имама. Одежда на год отпускалась им из казны имама казначеем» (хазин) Хаджиявом или мануфактурой или деньгами, чтобы они купили, чего пожелают. Вот почему солдаты в разговоре называли его (Шамиля) «наш царь Шамиль». Они сильно любили его. Их такое положение – (следствие) совершенного обхождения со стороны Шамиля.

Если б Шамиль притеснял их и заставлял бы их соблюдать мусульманские обычаи, они убежали бы от него. Кроме вреда, ничего не получилось бы» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 102.).

Факты гуманного отношения, отцовской заботы к русским и другим иноверцам со

стороны имама Шамиля и его сподвижников в имамате находят подтверждение в многочисленных архивных документах, преданиях, рассказах, воспоминаниях дагестанцев и чеченцев и в наши дни.

В селении Гендерен Ножай-Юртовского района в августе 1994 г. мы записали рассказ 82-летнего Нажмудина Темиргереева, участника ВОВ, инвалида 2 группы. Его прадедушка Хату был наибом Шамиля. Абдурахман писал о нем: «В районе Аух наибом был Хату. Это был авторитетный человек, управлял он справедливо. После его смерти на его место вступил его брат Хати, храбрый, распорядительный и умелый» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С.74.).

Темиргереев Нажмудин поведал нам о том, «что наиб Хату по поручению имама Шамиля ездил к барону Николаю в Герзель-аул вместе со священником отцом Алексеем и они привезли разную церковную утварь и духовые инструменты для вновь построенной церкви в столице Дарго-Ведено. Этот Алексей был среди чеченцев с начала Кавказской войны, он свободно владел чеченским, кумыкским языками. Некоторые чеченцы называли его «русский мулла», он пользовался большим уважением и авторитетом среди христиан, католиков, иудеев и мусульман, живших в столице, за его высокую порядочность, доброту и любовь к людям. Шамиль уважал и оберегал его и всегда помогал церкви из казны. Как сложилась его судьба в дальнейшем, нам не удалось узнать».

В государстве Шамиля малейшее проявление национализма считалось преступлением, а интернационализм, веротерпимость, уважение прав и свобод человека было возведено в высший ранг, считалось самым главным инструментом существования Шамилевского государства. В Государственном Совете (диван-хана), который являлся высшим органом исполнительной власти, наряду с другими было создано и успешно функционировало управление по делам христиан, покровительству веротерпимости. Сам Госсовет был одновременно интернациональным по своему составу. Среди 32 его членов, кроме аварцев, чеченцев, лакцев, в разное время были кумыки, даргинцы, лезгины, ингуши, кабардинцы, ногайцы, азербайджанцы, рутульцы и представители других наций. Шамиль уделял особое внимание сохранению веры, обычаев и традиций каждого народа, заботился об этом повседневно. В его доме была специальная комната, где проходили важные совещания и хранилась уникальная библиотека, «судьба которой сложилась удивительным образом»^{*}.

Шамиль помогал иноверцам приобретать нужные книги, учебники для школ, духовые инструменты и утварь для исполнения религиозных обрядов. Здесь можно было достать газеты «Русский инвалид», «Кавказ» и даже журналы, которые Шамиль читал с переводчиком, а после отдавал в библиотеку или русскую школу. Особое внимание Шамиль уделял семьям солдат и офицеров, добровольно ставших гражданами государства имамат. Он помогал строить дома, создавать свой быт, выделял землю, деньги на приобретение необходимого инвентаря и скота, каждый житель имамата, независимо от национальности и вероисповедания, чувствовал на себе заботу Шамиля и его сподвижников. Это было государство, в котором не было места национализму и религиозно-расовым ущемлениям.

Имам Шамиль создавал возможные условия жизни для всех, в том числе для староверов, ущемленных христианами-казаками на территории, подвластной Российской империи. Абдурахман в своих воспоминаниях, в главе XV под названием «Рассказ о двух казачьих монахах», писал:

«Однажды к нам заявилися казачьи монахи из России, собирающиеся отправлять свой религиозный культ на чужбине, они были староверами.

^{*} Сегодня книги из библиотеки имама Шамиля еще не собраны в одном месте. Часть из них находится в России, т.е. в Дагестане, Чечне, другая часть в библиотеке Принстонского университета США, отдельные книги в Турции, Сирии, Иордании, Израиле, Венгрии и Франции, и в частных коллекциях дагестанцев и чеченцев.

Они просили Шамиля разрешить им жить на его земле. Тот разрешил. Они построили себе дома на возвышенности близ Дарго, в лесу, где много зелени и холодная приятная вода. Они построили еще одно строение, похожее на часовню. В углах они повесили свои иконы для поклонения. Около домов они посадили немного капусты, лука, кукурузы и (таким образом) жили спокойно.

Однажды я отправился к ним посмотреть, как они живут. Увидев меня, они оказали мне уважение, подошли ко мне. Они знали моего отца, поэтому разрешили мне войти в свое святилище (букв.: место поклонения), а моим товарищам - нет. Я вошел внутрь и увидел там много икон, светильники со свечами. Даже не знаю, откуда они берут эти свечи в чеченских лесах, где вообще нет светильников. Монахи были одеты в длинные, до пят, балахоны. Все это было для меня любопытно. Затем я вернулся домой.

По прошествии нескольких месяцев после пребывания на указанном участке они переселились в местность близ гоготлинской реки. Эта местность отличается обилием фруктовых деревьев и красивой природой. Нет иного такого места, где имеется все необходимое. Здесь сохранились стены кельи и старой церкви, построенной на белой глине (джисс) и являющейся местом поклонения христиан в былые времена. Я даже не представляю, как они узнали об этом, ведь из своего поселка они никуда не выходили. Наши люди знали эту местность и раньше, хотя подробно не были знакомы (Христианская церковь вблизи селения Датуна Шамильского района. – Авт.).

Когда они (монахи) занимались своим богослужением, никому не принося вреда ни словом, ни делом, ночью на них напали неизвестные разбойники и убили их, захватив все, что у них было.

Когда Шамиль узнал об этом, он очень переживал, так как он разрешал им жить на подвластной ему территории, и если бы знал этих негодяев, без сомнения, он отомстил бы за них» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 105).

При строительстве церквей, костелов, школ, оружейных и пороховых заводов, административных зданий и жилых домов все помогали друг другу. Например, в строительстве медресе участвовали русские солдаты, польские офицеры. Необходимые для школы инвентарь, книги, бумагу, чернила, карандаши привозили из-за кордонной линии еврей-купцы, а руководителем медресе, основным преподавателем был известный ученый лезгин из аула Ахты Мухаммеднаби, «он же был одновременно помощником столичного кадия Талхата из Буцры» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С.79).

Когда сын Шамиля Джамалудин в 1855 г. строил себе жилой дом в русском стиле в столице, строительством руководил принявший ислам бывший царский офицер Идрис, а работали горцы, чеченцы, бывшие царские солдаты. Абдурахман писал: «Дом построили по русскому образцу, с большими застекленными окнами, дверьми и печами, дверные и оконные ручки были из бронзы. Эти и другие материалы для дома через письма на русском языке он попросил у генерала барона Николаи, посылая серебро» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 175).

Отдельные поселения русских, казаков, поляков были рядом с чеченскими сс. Ведено, Беной, Белгатой, Зандак, Шатой, Гушкерт, Гендерген и другими. Русские перебежчики, а их называли в имамате «наши русские», также жили в Гидатле, Мехельте, Согратле, Тинди, Чохе, Гагатле, Дылыме, Буртунае, Алмаке, Аухе и других селах Нагорного Дагестана. По нашим данным, в государстве Шамиля количество мухаджиров в разные периоды колебалось от 10 тысяч до 30 тысяч человек, из них более 4 тысяч исповедовали христианство. Количество добровольно перешедших на сторону Шамиля русских офицеров, солдат и казаков в разное время колебалось от нескольких сотен до нескольких тысяч и более в зависимости от военно-политических успехов Шамиля.

«Принявшие ислам солдаты могли жениться на горянках, остальные устраивали быт по своему желанию. Православные добывали себе жен в набегах. А порой сюда являлись целые семейства казаков с просьбой принять их на жительство. Шамиль принимал всех, помогал обустроиваться, давал работу и землю. Мастеровые получали от Шамиля хорошее жалованье» (*Шани Казиев*, 2003. С. 175). Шамиль выделял из

казны деньги евреям-купцам, которые привозили в столицу все необходимые промышленные товары – от металла до книг. Еврейскую общину в столице возглавлял, по преданию, известный в Дагестане, Чечне и на Кавказе Шимми-Яхья из Тарков.

Русские в государстве Шамиля наравне со всеми гражданами за свое трудолюбие, благородство, храбрость, совестливость, человеколюбие и честность пользовались огромным авторитетом и уважением у имама Шамиля, его сподвижников, всех граждан, особенно у многочисленных мухаджиров, переселенцев не только из разных регионов Кавказа, Российской империи, но и из других стран Восточной Азии и Западной Европы.

Научное исследование роли и места русских солдат, офицеров, казаков и простых мирных русских крестьян, оказавшихся по воле Всевышнего в государстве Шамиля и внесших свой вклад в становление и развитие этого уникального многонационального, многоконфессионального государственного образования, в завершение Кавказской войны и тем самым в укрепление братских связей между народами Дагестана, Кавказа и всей Российской империи в XIX в., после завершения Кавказской войны и сегодня является важнейшей задачей исторической науки. По крупицам скрупулезно собрать, обобщить огромный, еще недостаточно изученный архивный материал, сосредоточенный в хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы, Ростова-на-Дону, Краснодар, Нальчика, Владикавказа, Грозного, Калуги и других городов России и за рубежом, прежде всего Турции, Иордании, США, Англии, Франции, Венгрии, Польши, Украины, Египта, Сирии, Саудовской Аравии, Ирака, Азербайджана, Грузии, Армении, Абхазии и других стран. Это позволит молодым историкам-кавказоведам еще глубже и ярче осветить роль и место русских в государстве Шамиля.

Это станет важным направлением среди огромного количества мероприятий, необходимых сегодня для останковки разгула русского национализма и шовинизма, дальнейшего укрепления братской дружбы между народами Северного Кавказа и всей Российской Федерации, сохранения стабильности и мира на Кавказе, единства и целостности самой России, спокойствия и уверенности в завтрашнем дне всех народов во главе с русским народом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдурахман из Газикумуха*, 1997. Книга воспоминаний. Махачкала.
АКАК. 1904. Т. XII. Дневник А. Руновского / Под ред. А. Берже. Тифлис.
Дадаев Ю.У., 2006. Государство Шамиля. Махачкала.
Дадаев Ю.У., 2007. Столица Шамиля. Махачкала.
Дадаев Ю.У., 2009. Наибы и мудире Шамиля. Махачкала.
Даниялов Г.-А.Д., 1996. Имам Шамиль. Махачкала.
Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. 1959. Махачкала.
Долхан Хожяев, 1998. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный.
Ибрагимбейли Х.М., 1994. О правде истории и научной достоверности // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50 годах XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции. 20–22 июня 1989 г. Махачкала.
Омаров О., 1999. Национальная политика государства имама Шамиля // Ахульго №2. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6539. Л.8.
Руновский А., 1989. Записки о Шамиле. Махачкала.
Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. 1999 / Автор-составитель Р.И. Иванов. М.
Халилов А.М., 1991. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала.
Шати Казиев, 2003. Имам Шамиль. М.